Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Русский дух и британская саламандра

19.08.2026.

Иллюстрация: автор + ChatGPT (OpenAI).

Это уже вторая книга, написанная сыном знаменитого отца, о которой мне захотелось рассказать. Совсем недавно я писала о романе швейцарского писателя Миши Левински, сына Чарльза Левински. Теперь – о «Выборе Карлы», новом романе из вселенной Джона ле Карре (1931–2020), созданном его сыном Ником Харкуэем с согласия наследников и с опорой на архивы отца. Думаю, что эти архивы он знает как никто другой. Именно он готовил к публикации последний роман ле Карре – «Silverview», вышедший уже после смерти автора, в 2021 году. Этот роман появился во Франции в 2022 году в издательстве Gallimard под названием *L'Espion qui aimait les livres* («Шпион, который любил книги»). Русского перевода пока нет.

Сразу отмечу, что эти «книги сыновей» кардинально различаются уже по замыслу. В то время как Миша Левински идет собственным путем, перед Ником Харкуэем стояла совсем иная задача. Ему предстояло не просто написать хорошую книгу, а вернуться в один из самых совершенных литературных миров XX века, «оживить» британского

разведчика Джорджа Смайли и его вечного противника Карлу, руководителя советской внешней разведки, и сделать это так, чтобы читатель поверил, что перед ним действительно роман Джона ле Карре.

Мне кажется, книга будет особенно интересна тем, кто хорошо знает «трилогию Карлы» ле Карре: «Шпион, выйди вон!» (*Tinker Tailor Soldier Spy, 1974)*, «Достопочтенный школяр» (*The Honourable Schoolboy, 1977),* «Люди Смайли» (*Smiley's People, 1979)*. А вот для читателя, незнакомого с этой трилогией, часть удовольствия при чтении «Выбора Карлы» неизбежно потеряется: многие персонажи и намеки работают именно благодаря памяти о предыдущих книгах.

Джордж Смайли сохраняет все свое обаяние, старые шпионские методы и роль нравственного центра. «Смайли верил не в идеологию, а – вопреки всем свидетельствам обратного – в людей. И это был грех, который никто в мире тайных служб не мог себе позволить» – пожалуй, именно в этом его сущность. Карла же, появляющийся лишь на 205-й странице, сохраняет всю свою загадочность. Читатель не узнает о нем ничего нового: остаются неизвестными его настоящее имя, биография и национальность, что лишь усиливает ощущение загадочности. Карла предстает не столько человеком, сколько невидимым центром огромной системы. (Поймала себя на мысли, насколько по-разному воспринимаются слова «шпион» и «разведчик». В моем советском детстве существовало простое правило: если их – значит шпион, если наш – разведчик. Между тем английское *spy* одинаково относится к обеим сторонам.)

Действие романа разворачивается в 1963 году, вскоре после событий «Шпиона, пришедшего с холода». На момент начала событий Джордж Смайли покинул «Цирк» – так у ле Карре называется британская разведка MI6, – разочарованный его методами и последствиями операции, стоившей жизни его коллеге и другу Алеку Лимасу. Особенно запоминается сцена, в которой Смайли выбирает Лимасу одежду для похорон: «Меня не покидала мысль, что Алеку приходилось подолгу просто стоять и ждать. А значит, ему были нужны удобные ботинки и хорошее зимнее пальто». Не менее точно сформулировано и отношение самого Смайли к профессии: «Я прослужил вам двадцать пять лет и даже больше. Но это создает лишь еще большую обязанность продолжать. Саламандра живет в огне, потому что забыла, как можно жить иначе.»

И вот Джордж Смайли надеется посвятить себя книгам и наконец наладившейся семейной жизни. Тем временем в лондонскую контору литературного агента Ласло Банати является венгр Мики Бортник, посланный из Москвы, чтобы убить хозяина. Банати исчез, а сам убийца неожиданно отказывается выполнить приказ, сдается британцам и признается в заветной мечте – сняться в фильме Питера Селлерса. Этот странный эпизод заставляет «Цирк» заподозрить, что за скромным литературным агентством скрывается гораздо более крупная операция. Любопытна и характеристика Банати двумя бывалыми британскими агентами: «вражеский шпион», но «прежде всего – антифашист». В итоге отставка Смайли оказывается недолгой – бывшее начальство призывает его на помощь.

Ключевой фигурой расследования становится двадцатитрехлетняя помощница Банати Сюзанна Геро. Она бежала из Венгрии по дорогам, «изрезанным колеями русских танков» после подавления восстания 1956 года советскими войсками и

сумела начать новую жизнь в Англии, не избавившись, однако, от чувства изгнанничества – ее рассуждения о патриотизме звучат сегодня удивительно актуально. В отличие от многих женских персонажей ле Карре, Сюзанна не остается сторонним наблюдателем: она проявляет хладнокровие уже при первой встрече с несостоявшимся убийцей, а затем постепенно становится полноправной участницей операции. Через ее историю Харкуэй показывает не только мир разведки, но и судьбу венгерских эмигрантов, для которых родина одновременно остается утраченным домом и территорией страха: «Ей хотелось сказать, что она возвращается домой, но дом не должен быть местом, которое внушает тебе страх». Читая эти страницы, я невольно вспомнила деревянную скульптуру «Венгры» Марисоль, о которой недавно вам рассказывала. А краткое описание сталинской эпохи – «При Сталине там нельзя было полагаться ни на что. Сегодня ты князь, завтра – злодей, и ничего между этим. Ни закона, ни доказательств – один только страх» – отсылает к книге другого британца, Джайлса Милтона.

Для нескольких поколений читателей и зрителей Джордж Смайли неотделим от лица Алека Гиннесса – именно его Джон ле Карре считал "своим" Смайли. (DR)

Расследование приводит Смайли к прошлому Банати, к венгерскому подполью и к людям, чьи связи сформировались еще во время Второй мировой войны, революции и последовавших за ней репрессий. Выясняется, что исчезновение агента связано с женщиной по имени Ирен, оставшейся в Будапеште, и ее сыном Лео. Чтобы вывезти ее на Запад, Сюзанна вынуждена вернуться в страну, из которой она когда-то бежала. Вместе с бывшим военным Томом Лейком она оказывается в городе, где за людьми следят, многократно проверяют документы, а любая неосторожная интонация или неверный жест способны выдать иностранца. Первоначально продуманный план эвакуации рушится, и героям приходится искать путь к границе уже на ходу.

Венгерская линия придает роману особую историческую плотность. Харкуэй убедительно передает атмосферу коммунистической Венгрии: постоянное присутствие власти, тягостное ожидание проверки, страх перед пограничниками и ощущение, что человека видят со всех сторон – поверьте мне на слово, всё это свойственно не только венграм. При этом Будапешт служит не просто эффектной декорацией для погони. Возвращение Сюзанны превращается в столкновение с собственной памятью и одновременно в ее первое настоящее испытание как разведчицы. Именно здесь становится ясно, что она обладает не только мужеством, но и тем особым умением наблюдать, быстро принимать решения и распознавать опасность, которое так ценит Смайли. Кстати, многие читатели наверняка обратят внимание на описанный в книге метод вербовки агентов среди беженцев – вряд ли за прошедшие более полувека он сильно изменился.

За локальной историей постепенно проступает более масштабная фигура Карлы. Операция вокруг Банати оказывается частью борьбы внутри советской разведки и этапом укрепления власти будущего главного противника Смайли. Поэтому роман одновременно заполняет хронологический промежуток между ранними книгами ле Карре и подводит читателя к «трилогии Карлы». Само название отсылает не только к конкретному решению, которое должен принять советский разведчик, но и к главному нравственному вопросу всего мира ле Карре: где заканчивается верность убеждениям и начинается готовность приносить живых людей в жертву системе, и какова цена выбора. Вот такое рассуждение Смайли частично отвечает на этот

вопрос: «Что бы он сказал Алеку? Что в конечном счете оказался не готов многим рискнуть ради того, чтобы поступить правильно. Что предпочел спокойную отставку и связи с банком Sercombe. Что позволил Сюзанне поступить по совести, одновременно допуская, что в худшем случае она станет приемлемой жертвой во имя той самой великой борьбы, которая когда-то принесла в жертву Лимаса и сохранила Мундта. Борьбы, в которую он сам уже больше не верил. Что, вместо того чтобы пройти этот путь до конца, в конце концов обнаружил: он из тех, кто лишь машет другим вслед, когда они уходят.
Что, вместо того чтобы пройти этот путь до конца, в конце концов обнаружил: он из тех, кто лишь машет другим вслед, когда они уходят.»

Как и роман «Silverview», «Karla’s Choice» доступен франкоязычному читателю – в ноябре 2025 года он вышел во Франции под названием *Le Choix de Karla* в издательстве Le Seuil, - но, увы, не русскоязычному. По крайней мере, пока. Я читала книгу в оригинале и улыбалась искусному вкраплению в речь британских разведчиков (в английском, разумеется, просто spies) типичных русских выражений и поговорок – да, они пользовались популярностью задолго до появления на политическом горизонте Рональда Рейгана. На одной только странице 99 их три: «работать спустя рукава», «оставить с носом» и «показать, где раки зимуют». А как забавно звучит по-английски русская народная, или бурлацкая песня «Эй, ухнем»: «Let’s all go OOOF now…».

Согласно исследованию, завершенному несколько недель назад французским журналом L'Express, британские секретные службы остаются лучшими в Европе.

Но смешно мне было не всегда. Сжалось сердце при чтении очень достоверного описания вымышленной московской гостиницы «Турмалин»: «В 1920-е и 1930-е годы Советская Россия стала центром притяжения для левых эмигрантов из Германии и новых государств Восточной Европы, возникших после Трианонского договора, завершившего Первую мировую войну между державами Антанты и Венгрией. Политические активисты и поэты, которым в противном случае грозили бы тюрьмы Миклоша Хорти или Адольфа Гитлера, отправлялись в Москву, объявившую себя их естественным домом. Там, над кафе «Филиппов» на Тверской улице – некогда поставщиком кондитерских изделий к столу русских царей, – возвышалась знаменитая гостиница «Люкс». Ее многолетних постояльцев – вернее, тех из них, кто уцелел после сталинской беспощадной чистки предполагаемых «предателей», – после следующей войны с триумфом отправили домой, чтобы они стали правителями советских государств-сателлитов.»

Не могу не уточнить, что в описываемые Ником Харкуэем времена Тверская улица называлась улицей Горького – именно здесь прошли мое детство и юность, с почти ежедневным посещением булочной Филиппова, примыкающей к упоминаемому кафе. Допускаю, что тут дело не в ошибке, а в сознательном решении автора, который использует современное название, сразу понятное международному читателю – это распространенный прием в англоязычной исторической литературе.

Присутствие сильного «русского акцента» в детективе времен холодной войны меня, конечно, не удивило. Но я не ожидала столкнуться в книге и с принявшей меня почти тридцать лет назад страной, да еще прямо на первой странице, где читатель узнает, что, «по старой армейской привычке», господин Банати вставал рано и каждое утро «проделывал серию нелепых упражнений, придуманных каким-то швейцарцем».

Имеется ли в виду Эмиль Жак-Далькроз, я утверждать не берусь, но Швейцария появляется в романе еще не раз – и в связи со светской вечеринкой в Женеве, на которую Смайли «из-за работы» не удается сопровождать его жену, и из-за обнаруженного в Цюрихе трупа, и из-за офиса специализирующегося на швейцарских франках фальшивомонетчика, расположенного в городе Шпиц, «в получасе от швейцарской столицы».

Конечно, я не буду рассказывать вам все перипетии романа – кому нужен спойлер?! Попробую подвести итог и ответить на вопрос, получилась ли книга?

На мой взгляд, «Karla's Choice» – очень хорошая книга, ведь она не только о «шпионских играх», но и о любви, ради которой даже самый осторожный человек оказывается в какой-то момент готовым пойти на безумный риск. Но я понимаю и тех критиков, которые восторгаются книгой, и тех, кто высказывает сомнения: по-своему правы и те и другие.

Первые, потому что Нику Харкуэю удалось почти невозможное. Он великолепно воспроизводит атмосферу холодной войны, язык, интонацию, ритм повествования. Джордж Смайли вновь узнаваем до мельчайших деталей. Роман читается с тем же неторопливым интеллектуальным удовольствием, которое всегда дарил ле Карре.

Вторые, потому что все же остается ощущение, что чего-то не хватает. Возможно, той нравственной безжалостности к собственным героям – и к самому себе, – которая делала книги Джона ле Карре не просто выдающимися шпионскими романами, а большой литературой. Харкуэй относится к миру, созданному отцом, с огромным уважением. Возможно, даже слишком большим. Иногда кажется, что именно эта бережность не позволяет ему рискнуть. А ведь именно риск рождает ту внутреннюю свободу, без которой не появляются настоящие шедевры.

P.S. Дорогие читатели! В качестве бонуса предлагаю вам послушать песню «Эй, ухнем» в исполнении Леонида Харитонова и Ансамбля имени Александрова – запись 1965 года, то есть почти в момент событий, описанных в «Выборе Карлы».

холодная война в литературе
Джон ле Карре

Source URL: *http://rusaccent.ch/blogpost/russkiy-dukh-i-britanskaya-salamandra*